

«Противоречий очень много, / Но их исправить не хочу...»

(роль противоречия в поэтике Пушкина)

Разрешение конфликта в классицистских и романтических концепциях мира определяется отношением к противоречию. Классицизм исходит из установки на существование абсолютной истины, единой и непротиворечивой. Наличие противоречий как в тексте, так, скажем, в характере героя, представляется слабостью, неумением, недостатком мастерства у писателя. Напротив, «умелый» автор не допускает противоречивости текста, характера, поступка. Целостность, единство понимались как единообразие, унификация, отсутствие противоречий. Из противостоящих друг другу героев, ценностей, истин классицисты выбирают нечто одно как единственно правильное, истинное. Другой член оппозиции может быть только неверным, неправильным. Но в целом одинаковый образ мыслей, единство переживаний всех людей, с точки зрения классицистов, делает возможным взаимное сочувствие и понимание. Рационалистическое мышление не может допустить противоречивости суждения. Реальность, содержащая противоречия, воспринимается как дикая, некультурная, необработанная разумом. Положительное и отрицательное, с точки зрения классицистов, могут быть и должны быть разграничены. Утверждать можно только положительное, отрицать – отрицательное. Классицисты стремятся к полной ясности, четкости, однозначности, и уверены в достижимости этого дисциплинированным и развитым умом. Изображение конфликта в классицистском тексте завершается ликвидацией противоречия, приведшего к его возникновению, торжеством правильной, разумной точки зрения и возвращением к исходной гармонии. Как следствие, классицистский мир характеризуется движением авторской мысли, а не движением изображаемой жизни. Статичный, неподвижный художественный мир классицизма являет собой единое целое, но это единство, искусственно сформированное мыслью. Для классицистского конфликта обязательна

формальная завершенность, расставляющая точки над *i* и определяемая логикой классицистской мысли, в принципе предсказуемой, верной традициям завершения подобных текстов.

Романтизм утверждает относительность всякой истины и сложность, если не невозможность разграничения добра и зла, положительного и отрицательного. Унификация противоположностей может быть только насильственной. Романтизм не только не пытается свести концы с концами, но противоречивость мира, человека, мышления абсолютизирует, а попытки разрешения противоречий воспринимает как упрощение реальной сложности и уничтожение идеализируемой многозначности. Поэтому в контрастном противопоставлении идеального героя и чуждой идеалу среды первый наделен противоречивостью, вторая характеризуется цельностью. Но внутренняя неоднородность характера главного героя не приближает его к среде. У романтиков конфликт – это борьба противоположностей, между которыми нет и не может быть точек соприкосновения. Небо и земля, идеальное и реальное, герой и среда несовместимы.

Развязка конфликта не снимает, а, напротив, закрепляет эту несовместимость. Противоречие между личностью и миром показывается как вечное и непреодолимое. Из конфликта каждый из оппонентов выходит неизменным, возвращаясь на исходные позиции. Романтики, дорожащие идеей бесконечности, избегают формальной завершенности, стараясь придать своему миру вид фрагмента, отрывка, эскиза, не имеющего начала и конца. Финал произведения должен создать впечатление, что движение героя с его бесконечным и неопределенным стремлением не закончено. Однако осознают это создатели романтических миров или не осознают, их герои движутся по кругу, набирая виток за витком, и нет остановок на этом пути, не знаящем цели, и не видно конца.

Следует указать на особую позицию немецкого романтизма – не столько в практике, сколько в теории, настаивающей на том, что гениальный художник должен воссоздать целостный мир, в котором примиряются

крайности. Жан-Поль разграничивает возможности «таланта», который «изображает часть», и «гения», воссоздающего «жизнь в целом» (1, с. 93). Перед гением Жан-Поль ставит задачу уподобиться богу, для которого «нет противоречий»: «Перед богом есть только Одно и нет противоречия частей. Таков гений, а примирение миров – так называемый идеал» (1, с.95). Ср.: с точки зрения Ф. Шлейермахера, основу бесконечного бытия образует мировое единство, или бог, в котором примиряются все противоречия («Речи о религии» 1799; «Монологи» 1810). Немецкие романтики по мере сил пытались выполнить эту установку, отыскивая сочетания несочетающихся миров, сходство отдаленных предметов, близость контрастных образов, порой насильственно сопрягая разнородные идеи. Не чуждой была подобная установка и для Пушкина – как в романтический, так и в реалистический период творчества.

Основой конфликта является противоречие, в отношении к которому выявляется своеобразие позиции писателя. В качестве эпиграфа к пушкинскому творчеству можно было бы взять строки из «Евгения Онегина», точно отражающие главную установку автора: «Противоречий очень много, Но их исправить не хочу» (ЕО, 1, LX).

Что стоит за принципиальным для Пушкина нежеланием «исправить противоречия»? В устранении противоречащих друг другу высказываний он видит аналог классицистскому методу всеобщей унификации, подчинения единому как единственно истинному. Изначальная установка на исправление противоречий влечет за собой создание искусственной унифицированной модели жизни, логически правильной, выявляющей торжество разума, тяготеющей к созданию эмоционально однородной схемы мира, удаленной от реальной сложности и многообразия жизни.

Другой возможный вариант «исправления противоречий» - доведение их до конфликта, оправдывающего их наличие в тексте как предпосылку дальнейшего развития действия, а не авторский недосмотр, непоследовательность, двойственность, в чем, начиная с Н.А. Добролюбова,

упрекали Пушкина приверженцы ясности и однозначности. В конфликте явно и ярко выраженные, демонстративно подчеркнутые противоречия приводят в состояние борьбы, чем их зыбкое и неустойчивое равновесие колеблется или уничтожается. В случае однозначного решения в пользу одной стороны это необходимое единство уничтожается торжеством одного начала и отказом от другого. По Пушкину, однозначное решение может быть только односторонним (ни Онегину, ни Ленскому в их противопоставлении не отдается того предпочтения, которое позволяет ограничиться одним, уничтожив другого: необходимая полнота мира страдает от убийства юного поэта). Отказ же от противостояния столь несходных личностей и их абсолютное тождество возможен лишь как иллюзорное решение, декларируемое, но не реальное единство. Пушкин предпочитает видеть в противоречиях не основание для конфликта, а дополнение, обеспечивающее многообразие жизни и избавляющее от монотонности и скуки. Ф. Шлегель отмечает у Клопштока «протестантизм, доведенный до нечувствительности к противоположному» (2, т.2, с.23). У Пушкина чувствительность к противоположному беспредельна. Утверждая, что «все признаки невежества – презрение к чужому» (3, т.7, с.272-273), Пушкин не имеет равных в протестической способности перевоплощения в другое «я», понимание его изнутри.

Степень конфликтности человека определяется его ограниченностью, то есть неумением выйти за четко очерченные рамки собственной личности, привычных мерок, норм, идеалов. Между таким человеком и окружающими лежит непроницаемая черта, не допускающая понимания того, что не есть мое, не похоже на мое, не привычно для меня, а значит, не соответствует норме. Открытие, что могут быть иные нормы и подходы, кроме собственных, как правило, невозможно для таких людей. У Пушкина «сопереживание и сочувствие чуть ли не любому, вступившему с ним в общение, как будто не знает препятствий» (4, с.59), чем обуславливается возможность безграничного расширения пределов собственной личности,

позволяющая в свою очередь точно оценить те границы личностных возможностей персонажей, которые становятся источником конфликтов.

Противоположности, независимо от того, находятся ли они в конфликте или мирно сосуществуют (Онегин и Ленский знают и тот и другой варианты), - дополняют и объясняют друг друга, в скрытых от них самих глубинах являются образами и подобиями друг друга. В пушкинском художественном мире все связано между собой не причинно-следственными отношениями, то есть не жесткой связью подчинения, иерархии, но свободной пространственно-временной связью существования в одном мире. Каждый ценен как часть целого, без которой это целое будет неполным, лишится своего многообразия. В мире Пушкина субъективно несимпатичная личность представлена как отражение полноты бытия, носительница неповторимого, только ей присущего начала мира. Так, Онегин, зная о многих негативных качествах Зарецкого («некогда буйн, картежной шайки атаман, / Глава повес, трибун трактирный»; теперь «старый дуэлист; / Он зол, он сплетник, он речист...»), с удовольствием встречается с ним: «Он был не глуп; и мой Евгений, / Не уважая сердца в нем, / Любил и дух его суждений, / И здравый толк о том о сем» (ЕО, 6,1У, X1,УШ). И в Зарецком можно найти нечто достойное любви, хотя он и несопоставим в глазах Евгения с Ленским, к которому Онегин при всей их противоположности, относится с безусловной любовью («всем сердцем юношу любя» - ЕО, 6,Х). Неизбежны градации во взаимоотношениях людей: отношениями дружбы связаны люди, подчеркнута противопоставленные как «волна и камень, / Стихи и проза, лед и пламень» (ЕО, 2,ХШ), тогда как имеющие ряд сходных черт Онегин и Зарецкий лишь поддерживают хорошие отношения. Очевидно, в отношениях Онегина и Ленского «взаимная разнота» (ЕО, 2,ХШ) не препятствует дружбе, а бесконечные споры («Меж ими все рождало споры...» - ЕО, 2,ХУ1) только усиливают взаимный интерес («скоро стали неразлучны» - ЕО,2,ХШ), не отталкивая спорщиков друг от друга, но взаимообогащая, стимулируя развитие («...и к размышлению вело»). У Пушкина скорее сближаются

люди, которым есть о чем спорить, отсутствие же общего предмета для спора является показателем чуждости, отсутствия точек соприкосновения.

Пушкин настаивает на неповторимости, незаменимости людей, явлений жизни, ситуаций. В ностальгических воспоминаниях о театре прежних лет звучит мысль о безостановочном движении жизни, несущем неизбежные изменения и обновления, но не способном вытеснить из сердца любимшееся ему: «Все те же ль вы? Другие ль девы, Сменив, не заменили вас? (ЕО, 1, XIX). Общий принцип Пушкина: каждое из меняющихся в жизненном потоке лиц имеет свою ценность и не может «сменив, заменить» другие. Для Пушкина непонятно и неприемлемо утверждение одних за счет других, отрицание того, что не в полной мере соответствует идеалу. В равной мере приемля тех, которые мыслят мир в единстве, и тех, которые мыслят мир в противоположностях, Пушкин предлагает свой синтетический вариант. Великий русский поэт представляет мир состоящим из противоположностей, которые не исключают друг друга, из противоречий, которые не мешают единству. Соответственно конфликт в художественном мире Пушкина представлен как борьба противоположностей, не сознающих свое единство. Тем самым закладывается тот фундамент русской художественной мысли, который утверждает цельного человека и цельное мировосприятие. Пушкин был великим реалистом и понимал, что его вариант миропонимания ближе к идеалу, чем к реальной практике – не столько жизни, сколько мышления, привычного к монистической ликвидации противоречий: «Нелегко подавлять в себе соблазн во имя монизма упрощать и схематизировать явления» (5, с.129). Вековая традиция закрепила в сознании многих поколений стереотип «правильного» мышления, лишённого противоречий жизни, но претендующего на ее адекватное отражение. С точки зрения «чистой мыслительности» Пушкин «остаётся собранием несовместимостей» (4, с.58). До сих пор критики, уже XX и XXI веков уравнивают понятия единства и тоталитарности (См., например, «Вопросы литературы». 1991. №1. С.139). Тоталитарность – искусственно и насильственно создаваемое и

поддерживаемое единство за счет уничтожения разнообразия; введения всеобщей унификации; упрощения, примитивизации и сужения личности; ограничения или запрещения несогласия, якобы разрушающего общественный порядок или строгую мыслительную схему. Догматическому мышлению, тяготеющему к тоталитарности, и его проводникам в политике, науке, литературе всегда противостояла живая жизнь, стихийным буйством наводнения сметающая искусственные ограждения (ситуация «Медного всадника») или скромной и незаметной деятельностью рядовых своих тружеников утверждающая неповторимость и неоднозначность лиц и судеб. В художественном мире Пушкина торжествует симфонизм, сочетание разнородных голосов, не имеющий ничего общего с унификацией.

Принцип сосуществования противоположностей реализуется в пушкинском мире в изображении противостояния, а не противодействия образов, персонажей, суждений. Противостояние, а не противодействие Пушкин считает не только более плодотворным, но и более типичным для реальности современной ему жизни. Тяготеющей больше к миру и согласию, «сближению и сочувствию» чем к «пререканиям и преткновениям». (См сходную мысль П. Вяземского - 6, с.9). И в сфере мышления реализация народной пословицы «Худой мир лучше доброй ссоры» дает лучшие результаты, поскольку «односторонность есть пагуба мысли» (Пушкин: X,156), и мысль, представленная с противоположных позиций, более соответствует сложности и многообразию реальности. Как и Чаадаев, Пушкин склонен видеть в «запрете противоречий» ограниченность человеческого разума, тогда как в деятельности истинного творца в живом единстве сливаются полярности: «Сущность Бога в том и состоит, что в его всемогуществе исчезает всякое противоречие, и невозможное нам – возможно ему» (7, с. 457). Ср. диалектическую мысль античности, выраженную словами Гераклита: «У Бога все прекрасно, хорошо, справедливо; люди же считают одно справедливым, другое несправедливым» (8, с.47). Потому так любит Пушкин интонацию перечисления,

утверждающую идею родства часто разнородных явлений вне их иерархической соподчиненности, но в свободном следовании друг за другом. Потому в его творчестве отсутствует однозначное противопоставление характеров. И поляризованные Онегин и Ленский несут в себе скрытое сходство, а в перечислении тем, вокруг которых ведут споры друзья, обнаруживается общая духовная основа людей, обитающих в едином поле культуры.

Стиль художественного мышления Пушкина – стиль присоединения, перечисления, но не противопоставления, предполагающего выбор. Онегин и Ленский, противопоставленные друг другу как противоположные натуры, в авторском сознании уравниваются как равно достойные интересы и ни один из них не заслуживает предпочтения перед другим. Соединяя разнородные и разрозненные начала, Пушкин не ставит целью преодолеть эту разнородность, переплавить ее в едином поэтическом стиле, но сводит их нетронутыми в их контрастной противоположности, сопоставляет и сравнивает как разные возможности, имеющие равное право на существование.

Литература

1. Жан-Поль. Подготовительная школа эстетики / Жан-Поль. - М.: Искусство, 1981.
2. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. / Ф. Шлегель. - М.: Искусство, 1983.
3. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / А.С. Пушкин. - 4-е изд. - Л.: Наука, 1977-1979.
4. Палиевский, П.В. Литература и теория / П.В. Палиевский. - М., 1979.
5. Сакулин, П.Н. Филология и культурология / П.Н. Сакулин. - М.: Высшая школа, 1990.
6. Вяземский, П.А. Эстетика и литературная критика / П.А. Вяземский. - М.: Искусство, 1984.
7. Чаадаев, П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма:

В 2 т. / П.Я. Чаадаев. - М.: Наука, 1991. Т.1.

8. Лосев А.Ф., Шестаков В.П. История эстетических категорий / А.Ф. Лосев, В.П. Шестаков: . М.: Искусство, 1965.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ